

ПОЭТИКА ПОВЕСТИ «ЛЕБЕДИНЫЕ КЛИКИ» Б.А.САДОВСКОГО

© 2012 Н.Н.Кислова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 24.07.2012

В статье анализируется одна из ранних повестей Б.А.Садовского, чье творческое наследие следует отнести к еще неоткрытым или забытым литературным явлениям. Мир дворянской усадьбы XIX века описан через категории времени и пространства, дана характеристика образов персонажей и символов, выявлен лиризм повести, показано языковое мастерство писателя.

Ключевые слова: история русской литературы XX века, Б.А.Садовской, повесть, память жанра, мир дворянской усадьбы, двоемирие, лиризм.

Открытие поэтических и прозаических текстов Бориса Александровича Садовского стало литературным событием уходящего XX века. Перу Б.Садовского принадлежат несколько сборников критических статей: «Русская камени» (1910), «Озимь» (1915), «Ледоход» (1916). Рецензии его признавались острыми, бескомпромиссно-принципиальными, а работа в области изучения творчества литераторов пушкинской поры и биографии А.А.Фета создали Б.Садовскому репутацию тонкого и вдумчивого исследователя. Среди книг стихов Б.Садовского заслуживают внимания «Позднее утро» (1909), «Полдень» (1915), «Обитель смерти» (1917), «Самовар» (1914). Ему принадлежит ряд прозаических произведений на исторические темы: повести «Двуглавый орел» (1911), «Бурбон» (1913), сборник историко-литературных новелл «Узор чугунный» (1911), а также историко-фантастические повести «Лебединые клики» (1913), «Приключения Карла Вебера» (1928), рассказы «Анекдот», «Ильин день» (1922), романы «Пшеница и плевелы», «Современник», «Первое марта» и др.

Проза Б.Садовского написана классически ясным языком, она внутренне сдержана и уравновешенна. Преобладающее место в ней занимают мотивы, связанные с проблемами исторических судеб России, монархии и дворянства.

Поэтика повести «Лебединые клики» (1913) во многом определяется ее пространственно-временной организацией. Мир курятевской усадьбы, ставший предметом изображения в повести, представляет собой замкнутое простран-

ство (проход в него закрывает темный бор), близкое по признакам к «чужому», «мертвому» скалочному пространству, характеризующемуся избытком еды, богатства, разнообразием растительного и животного мира, в нем звучит чудесная музыка, обитают царственные птицы лебеди (которые в культуре могут восприниматься как символ смерти). В этом мире находится заколдованная «царица», «неувядаемая роза», ожидающая своего избавителя. Автор изображает разрушение этого «заколдованного проклятого царства», гибель его мистических обитателей, освобождение «царицы». Время в усадьбе подчеркнуто циклично. Но и в этой повести за серьезностью повествования постоянно чувствуется присутствие авторской иронии.

Уже в самом начале повести автор несколькими деталями предвещает будущее мистическое развитие действия, нагнетает обстановку, используя такие средства выразительности, как олицетворение («стрельчатые молодые елки *астидно-синими пальцами* своими *полезли* в коляску, *пошли хвататься* за колеса и *цанать* лошадей»; «в темной тишине глубокого бора *истомно нависла сладкая жара*»; «сосны *раздышались смолистой ленью*»¹), противопоставление («высоко вверху *белые легкие облачки* вольготно несутся в обгон друг за дружкой по синему небу. Хорошо им там расплываться и таять в холодных синих просторах: век не знают, беспечные, ни усталости, ни жары, а *тут четверка вороных в кровь избилась*; фыркают кони и отмахиваются что есть мочи плетеными хвостами от гудящих оводов», 107), перифраз («зеленоглазого крылатого кровопийцу» – о слепне), сравнение («генерал самодовольно по-

⁰ Кислова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, проректор по учебно-методической работе. E-mail: kislova_nm@mail.ru

¹Садовской Б.А. Лебединые клики. – М.: 1990. – С.107. Далее повесть цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

вел черными, круглыми, как у птицы, глазами», 108) и др.

Дворянская усадьба (княжеская) в повести Б.А.Садовского носит поэтическое название «Лебяжье». Она очень красива и величественна: «А уж впереди на склоне встал, как нарисованный, княжеский дворец. Белая его громада с круглым куполом и тремя рядами окон благовоительно взирала перед собой. От главного, большого дворца, простершись направо и налево, стройными колоннадами вздымались два малых» (114).

Однако внутренняя сущность усадьбы оказывается совершенно иной. Жизнь усадьбы в повести окружена колдовскими чарами. Герои чувствуют постоянное присутствие здесь темных сил, олицетворением которых является покойный князь Курятев, муж княгини Зенеиды, получивший проклятие при жизни и не оставляющий княгиню даже после смерти.

Покойный князь Федор Сергеевич Курятев является в повести самым загадочным и зловецким персонажем. Характерна и его внешность: «...в свете прозывался Адамовой головой, ибо с ранней молодости своей был он, как Йориков череп, лысый. Но при правильных, на египетский лад очертаниях смуглого лица и пронизывающем, остром под черными дугами-бровями взоре, князь не столько безобразен был, сколько неприятен» (122). В нем подчеркивается что-то дьявольское: «В добрый час молвить, в худой промолчать, было в князе нечто не вполне объяснимое, но такое, что и объяснять не хотелось; у того же, кто пускался в рассуждения, рука сама собой творила крестное знаменье и волосы подымались дыбом» (123).

В его кутежах под видимым весельем и щедростью скрывалось нечто таинственное и неприличное, чего стоит его мальчишник, под утро которого он голым на арабском скакуне проскакал по Невскому проспекту, или княжеские пирры, на которых гости, несмотря на обилие еды и питья, «не могли забыться вволю» (125). Даже смех его был мало похож на человеческий: «Хотел князь пронзительно и протяжно, надрывая душу визгливым воем: так в бурную полночь филин кричит в ущелье» (123); «Завывающий, гнусавый, как у шакала, одинокий хохот» (125).

Во всем его поведении, во всех поступках чувствовалось, что кто-то повелевал его волей и «правил движеньями и речами». От всей его фигуры веяло дыханьем тленья. Станным кажется тот факт, что князь Курятев никогда не заходил в церковь. Во время приема гостей не

ел и не пил, а молча наблюдал за ними. Со временем князь стал совсем нелюдимым и диким.

Князя окружали странные предметы, люди и существа: весь дом увешан подковами, в кабинете он держал черного петуха для отпугивания домового, а в прислуге у него были силач Скворцалупов и карлик Сычик.

Во время так называемых зимних «путешествий» князь в дорожной шубе из черно-бурых лисиц, в бобровой шапке «рассаживался в кресле, как в санях», камердинер «получал приказание собираться в Москву, в Нижний, в Тверь, и так путешествие длилось иногда целую неделю» (127). Во время «путешествия» князь начинал говорить о себе, припоминать что-то черное и страшное и один раз проговорился, что проклят: «Проклят я!» – вырвалось однажды из его почернелых уст, и, покосившись на камердинера, он молвил тихо, едва ворочая языком: «Хотел было намедни помолиться и книгу отыскал, начал петь про себя, ан слышу, чертенок из угла тоненьким голоском потягивает: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» (127).

Летом князь мог переодеваться в медвежью шкуру и травить себя собаками: «Через краткое время из домика вылезал медведь и шел, переваливаясь, на поляну; совсем как зверь, только ноги задние у него как у человека: коленками вперед. Скворцалупов опять трубил с крыльца, затем хлопал оглушительно пистолетный выстрел, и два смычка спускались, при общем гомоне, свисте и лае, на медведя. Освирепев, терзали и барахтали собаки страшного зверя, а он, не обороняясь, только рычал, сначала умоляюще, потом сурово и злобно. Отозвав усталых псов, охотники напускали свежих; рычанье становилось тише, тише; наконец, заслышав под шкурой безумный смех, гончие испуганно разбежались, воя и поджимая хвосты, а князя в истерзанной на клочья шкуре псари несли в избу; а там, освободив барское тело от одежд, сажали утомленного охотника в теплую ванну» (127).

Именно во время такого «оборотничества» он принял смерть, велел спустить всю гончую стаю разом: «Собаки сгрудились и полезли валом; видна была одна огромная копошащаяся куча;...тогда увидели псари объединенную мертвую голову князя Курятева. Голый череп был весь ободран; иссиня-красное, как у мясной туши, изгрызенное лицо, без глаз и ноздрей, скалило блестящие зубы, сцепившиеся яростно в последнем предсмертном стоне» (128). Важно отметить, что в этот последний раз шкура медведя как будто вовсе не хотела с него сниматься: «немалых трудов стоило распороть вшившиеся швы

и раздеть окоченевшее в медвежьей шкуре тело», «все лебяжинские мужики знали верно, что князь так и был схоронен в медвежьей шкуре, которая приросла к нему» (128).

После такого нечеловеческого образа жизни и нечеловеческой смерти вокруг князя стали создаваться «страшные» рассказы: «что полночь, бродил близ церкви на задних лапах медведь и, завидя прохожего, убежал шибко-шибко, с хохотом гнусливым и протяжным. Этот же самый медведь при лунном сиянии брел не раз от церкви по селу, покачивая молча ушастью головой; подступал прямо к флигелю, где жил Скворцалупов, и пронзительно свистал, так, что, вскочив по привычке спросонья, верный камердинер едва не бросался опростетью на двор» (128).

Княгиня без волнения встретила весть о смерти супруга. Она рано вышла замуж за князя. Царские подарки жениха тронули ее сердце, и она дала согласие на брак: «спервоначалу дичившаяся и красневшая невеста быстро осушила слезы, коими сопровождалась первые встречи ее со страшным женихом; веселая, с розовой улыбкой, выбегала она к нареченному на тонких, нежно скользивших каблучках, позволяла целовать округленные руки свои, плечи и ланиты и сама с нежностью касалась устами мертвенного черепа» (123). После замужества, оказавшись в усадьбе, княгиня на людях показывалась редко, ходила только в церковь. С мужем они жили на разных половинах: «достоверно все знали лишь одно: что жили они на разных половинах и что тяжелую дверь своей опочивальни княгиня всякую ночь замыкает изнутри тройным оборотом хитроумного, со звучной музыкой, аглицкого замка» (125).

В общем, вела она жизнь уединенную и скромную, хотя красива была необычайно: «На белом продолговатом ее лице с широковыпуклыми очами, под торжественным венцом тяжелых, черных как полночь, кос невозможно было приметить ни вниманья, ни скуки; прелестный, с выдавшейся едва нижней губою, алый рот улыбался приветливо и ровно... Девственной нежностью веяло от спокойного чела, безоблачного как пруд вечерний, отражающий золотосинее небо... Легкий стан чуть покачивался, как тонкий стебель...» (117). Красота ее неоднократно сравнивается в повести с красотой неувядаемой розы, самой прекрасной и пленительной в саду: «В тридцать пять лет княгиня распустилась полной июльской розой; до единого каждый лепесток достиг предела пышности, красоты и силы, и благословенными чарами лета, мнилось, дышал ее расцвет. Только розе и можно

было уподобить красу княгини: такая вот в жаркий летний полдень, колеблясь и млея, пьянит пчел золотых благоуханием царица заветной клумбы. Подобной ей не найти другой в пышном цветнике: она одна. В темно-красные, будто сладостным вином напоенные, складки бесчисленных лепестков не смеет забраться муха поганая, не шлепнется шмель тяжелый; нежно ее охраняя, один вдохновенный соловей всю ночь ей поет про свою любовь» (117).

Кроме красоты, образ княгини еще связывается в повести с непорочностью: «стохвостая уездная сплетня не смела закидывать своих грязных паутинок за беломраморную ограду курятевских чертогов. Даже богобоязненные старушки не умели выдумать ничего такого, что хотя бы мимолетной тенью могло омрачить непорочное вдовство Зенеиды» (129); с размеренностью и способностью не скучать: «Утро проводила она в саду, прогуливаясь в тиши столетних дубов и лип..., внимая пению птиц; в полдень величавый Скворцалупов подносил ей пышный букет оранжерейных цветов... Прогуливаясь каждый день, замечала прекрасная Зенеида, как постепенно опадает весенний цвет, как плоды завязываются и созревают, как трава становится все выше, душистее и гуще»; после обеда в оранжерее под магнолией принимала она от дворецкого доклады.

Образ княгини оказывается в повести вписанным в природный мир, опоэтизированным. Например, когда повествователь рассказывает о том, что вся дворня поняла, что княгиня смертельно влюблена в Сергея Боброва, он сравнивает ее с налившимся яблоком, готовым упасть с ветки: «за последние дни княгиня стала походить на мраморную статую, начавшую оживать, уступая мольбам ваятеля: кровь с каждым днем, с каждым часом бежала бурливей и ярче по синим жилам и алел розоватый мрамор; тело девственно-строгое медом как яблоко наливалось. Август недалеко уже, и хочешь не хочешь, надобно созрелому сладкому плоду падать с упругой ветки» (143). И когда княгиня слышит отказ Сергея в момент ее признания, то вновь превращается в «холодный мрамор» (145).

Над княгиней тоже тяготеет таинственная сила. Особую магическую власть над ней имеет портрет покойного князя, через который распространяется власть прошлого в настоящем, происходит непосредственное взаимодействие мира живых и мира мертвых. От портрета Курятева исходит пагубное, парализующее душу героини влияние, словно узы проклятия перешли и на княгиню: «дикий взор Зенеиды. Безумно-

веселый ее смех раздавался снова, еще и еще; вот княгиня забилась, заливаясь плачем; плач чередовался с хохотом; ... на ковре билась с рыданиями прекрасная Зенеида» (141).

Это влияние не может не чувствовать и Сергей Бобров, человек с тонкой и ранимой душой, с лицом, способным сиять «вдохновением тихим и светлым» (118). Он очень наивен и внешность его соответствует внутреннему миру героя: «Сергей еще мальчиком кажется, хоть и пошел ему двадцать третий год... развившиеся темные кудри бегут на высокий лоб. Ясные большие глаза счастливо, по-детски, мигают...» (108).

Ему жалко даже зажаренного лебедя, которого он не решается есть («Сергею не хотелось есть лебедя: не подымалась рука рушить зажаренного певца», 119). Сергей тонко чувствует атмосферу, которая царит в усадьбе. Целые дни проводил он у пруда, любясь прекрасными лебедями, слушая их нежное пенье. Здесь на озерах чувствовал он себя как в сказочном царстве, в отличие от дома, где была гнетущая обстановка. Чувство, только зарождавшееся в душе Сергея, умерло от предчувствия чего-то страшно-неизбежного. На него повеяло из прошлого княгини холодной смертью, и он отказывает княгине в ответ на ее признание в любви: «Княгиня краснела и часто дышала от волнения. Чудилось Сергею, что сладостный дух магнолии исходит от прекрасного тела Зенеиды, от мраморной ее шеи и точеных рук. – Я люблю вас... будьте моим... Мужем – шептала княгиня, словно в буйно-сладостном аромате цветов почерпала она дерзость бесстыдства, распалывшую ее страсть. Сергей закрылся руками. Что-то толкало его в вихревую пропасть, но он сделал усилие над собой. – Нет... не могу, – вымолвил он глухо. – Это невозможно... Простите... я не люблю вас» (145).

И только когда они уехали из владений кухни, Сергей радостно вздохнул: «Сергей, как пробудившийся от тяжкого сна, радостно дышал всей грудью. Юная жизнь, необъятная, светлая, прекрасная, вставала перед ним впереди... И сладко было Сергею внимать, засыпая, прощальный далекий пересвист лебединых крыл» (147).

Старший брат Сергея – Кирилл Павлыч совсем не похож на него. Он довольно прозаичен и нечуток. Княгиня согласилась выйти за него вследствие его нечувствительности, ненаблюдательности, он многое не замечает и не будет замечать в дальнейшем.

Повествователь постоянно подчеркивает сходство старшего Боброва с вороной: «У генерала

лицо широкое, румяное, как луна; на нем поднялись недвижно два черные полукруга бровей; усы точно нарисованы над пухлыми губами и подбриты «орликом», в виде распростертых крыльев государственного орла. Глаза блестящие как у ворона, светятся спокойствием и довольством. И взглядывает Кирилл Павлыч, повороньки, сбоку, и смех у него на карканье похож» (108).

Авторская ирония по отношению к Кириллу Павлычу очень тонкая, писатель как будто играет с читателем, подавая его образ то с одной, то с другой стороны. Например, повествователь очень подробно описывает зарождение и сохранение «незримых нежных чувств» генерала к княгине Зенеиде, и читатель уже начинает видеть в нем лирического героя, тайно влюбленного романтика, мечтающего о соединении со своей возлюбленной, пусть и через долгие годы: «По лицу его, свежему и румяному, как у деревянной игрушки, бабочкой поползла счастливая мечта; будто радужные крылья весеннего мотылька трогали точеные усики и порхали на ямке нежного подбородка. Мерещилась Кириллу Петровичу прекрасная кухня, с которой игрывал он, бывало, в фанты и танцевал экосез. В солдатском сердце Кириллы Павлыча, как в заветном Пандорином ларце, свято сохранялись, процветая, самому ему незримые нежные чувства к княгине Зенеиде. Впервые завязался их чистый светлый щипок двадцать лет с лишним тому назад, когда Кирилл Павлыч был статным красавцем кирасиром (как шел ему белый мундир!), а кухня прелестной, как ангел, двенадцатилетней девочкой. Помнит ее Кирилл Павлыч на детском маскараде, с черными, распущенными по плечам кудрями, в греческом светлом хитоне; перламутровый колчан на розовой ленте спускался коварно с левого плеча; легкий лук готовились напрячь, казалось, тонкие пальцы, и мнилось, прозвенела, затрепетав, невидимая стрела и сладкой занозой засела навеки в сердце Кириллы Боброва. С годами затягивалось, зарастая, жгучее жало, но едва приходили вести о Зенеиде, все равно какие: о том ли, что вышла кухня замуж за князя Курятева, богача и самодура, о том, что живет она с ним уединенно и грустно, о том ли, что чудачества мужа ее переходят всякую меру, о том ли, что овдовела, наконец, Зенеида, – при всяком упоминании о ней переворачивалось острие в сердце и, раскрываясь, сладостную кровь точила нежная рана» (112). Но дальнейшее повествование резко снижает лиричность и романтичность образа Кириллы Павлыча: рассказы о несметном богатстве

княгини, о ее поместьях, раскинутых на несколько губерний, о десятках тысячах крепостных крестьян, день и ночь умножающих неисчислимы ее доходы, еще «жарче томили любовью пылающее сердце», генерал «еще нежнее жмурился, как кот на сметану» (112).

При изображении Кириллы Павлыча повествователь делает акцент на образах еды, называя его «сластолюбивым объедалой», обильная трапеза доставляет герою большое удовольствие, вплоть до восхищения: «Райская у вас закуска, дорогая кузина!» (118). Живя у кузины, Кирилла Павлыч внимательно знакомится с хозяйством, беседует со старостой. Он весьма доволен согласием Зенеиды стать его женой: «Кирилла Павлыч, не сдерживаемый более ничем, принялся целовать Сергея и душить в объятиях.

– Поздравь меня: Зенеида дала мне слово. Я жених» (146). И ему совершенно неважно, что она его не любит: «Любовь выдумали пииты. От жены любовь не требуется...» (146). Довершением счастливого состояния героя становится смерть Скворцалупова, и хотя кучер говорит, что встреча с удавленником – плохая примета, Кирилла Павлыч видит впереди «сочетанной радугой будущее счастье: дворец, княжеское поместье, жена-красавица, почет, богатство...» (147)

Скворцалупов, являвшийся камердинером покойного князя, а после его смерти управляющий домом княгини, имеет очень выразительную внешность: «дворецкий пошел впереди легкой плавной походкой, хоть паркет так и потрескивал под стройными его ногами. Когда, указывая дорогу, Скворцалупов оборачивал к гостям орлиный свой профиль, в лице его сквозь приятную учтивость проступала располагающая умная твердость; сквозила она и в полузадумчивой улыбке полных, как у лорда Байрона, губ, и в завитках темно-русых, спереди взбитых коком волос...» (114). А также необыкновенную силу: «Скворцалупов росту был высокого и сложен на диво: колесом выступала и раздувалась кузнечным мехом железная его грудь, спина была крепче плиты чугунной, а смуглое лицо, казалось выковано было из горячей меди»; «крепился пятипудовой гирей, подымал двенадцать пудов одной рукой; сгибая железную полосу, вязал из нее татарские узлы... и мог с одного удара убить лошадь» (130). Как и его хозяин, Скворцалупов обрастает в повести легендами: однажды он удержал бешеного быка; в другой раз, ткнув мужика пальцем в бок, сломал ему ребро; в кулачных боях он – неизменный победитель – за эти подвиги вотчина его уважала.

Представляется он каким-то лебяжеским сверхчеловеком, а Сергею Боброву видится «не слуга, а переряженный в слуги рыцарь, облеченный к тому всеильной властью. Тени нельзя приметить было в приемах Скворцалупова услужливости и раболепства; казалось, с самую княгиней обращается он, как равный» (116) и имеет необъяснимое влияние на княгиню Зенеиду: «И неуловимое что-то и странное мелькало в обращении прекрасной княгини с красавцем слугой... звучные молнии пускала она из огненного горла, вспыхивая темным заревом очей, а взор ее... описывал, казалось, своевольный зигзаг и, рассыпая за собой искры, райской птицей летел к высоким дверям, где, выжидая приказания, стоял могучий красавец» (131); «на княгиню внезапное появление Скворцалупова произвело действие, какое не ожидал Сергей: она поднялась величественно и строго и, не сказав ни слова юному кузену, движением руки остановила его сидеть. С изумлением следил Сергей, как, шумя, исчезла она в кустах, заслоняемая могучей спиной слуги» (134).

Странно, что, будучи вольным человеком, он столько лет терпел чудачества князя. Необычны и его дружба с карлой Сычиком, и гастрономические пристрастия: кушанье из сваренных ушей. И что тоже важно, он никогда не появлялся в церкви. Скворцалупов каким-то образом, как и остальные обитатели усадьбы, несвободен от власти рока и судьбы. Заметно, как он переживает исчезновение Сычика, с которым подолгу любил вести беседы: «После пропажи карлика силач загрустил и стал себя вести вовсе странно» (143). Страшна и смерть его, которая происходит сразу же после решения княгини о замужестве. Как будто спали с усадьбы таинственные чары с его смертью.

Дом княгини представляет собой дворец. Как замечает повествователь, «домом невозможно было величать громаду в шестьдесят с лишним комнат» (116). Описание этого дома-дворца занимает в повести почти целую страницу. И карлик Сычик отчасти вписывается в мир этого дома, наполненный произведениями искусства, роскошной утварью, статуями, но при этом имеющий на косяках приколоченные грубыми гвоздями старые грязные подковы. Карлик – оборотная темная сторона мира усадьбы: «ростом с пятилетнего младенца, с развевающейся по пояс широкой бородой, жуткий карлик весело моргал выпученными глазами и прихлопывал в сморщенные костлявые ладони» (120). Повествователь использует развернутое сравнение для описания рта карлика (нужно убить сову, дать

ей разложиться в течение недели, затем отодрать крыло: «тогда будешь знать, на что похож рот у бородатого карлы», 121). Как и положено шуту, Сычик проказничает («замотал искусно вокруг столовой ножки необъятный шлейф княгини», у генерала «в правую полную икру всажена глубоко серебряная вилка», 122), говорит иносказательно («Ишь, молодчик, какой! Хорош, хорош Кирила, толстое твое рыло! Робеть не робей, а лебедку с налету бей»; «Тебе нашего курятевского пирожка не дам, не про тебя он, друг милый. От моего пирога вырастут у тебя рога. И не проси, не дам», 121), в ненастную погоду развлекает княгиню (129).

Язык повести очень богат. Тут писатель показывает мастерство в использовании изобразительных средств. Текст создается обильным употреблением развернутых сравнений («у генерала лицо – как луна», «глаза блестящие, как у ворона», «красота княгини – неувядаемая роза», «косы черные как полночь», «чело безоблачное как пруд», «легкий стан как стебель», «свист лебедей – звон далеких, серебром оперенных летящих колоколов», «вдоль сияющей стены белых, гладких, как серебряные колонны берез», «сердце Кирила Петровича – Пандорин ларец», «клики лебедей – нежный колокольный звон, точно воздушная хрустальная колокольня высоко-высоко поплыла в полуденном зное под небесами; невидимые клики серебряных труб»), олицетворений («речка извивается», «дворец благоволительно взирал»). В тексте преобладают сложные и осложненные синтаксические структуры.

К художественным особенностям повести следует отнести ее лиризм, проявляющийся в большей степени в описании природы, и в частности лебедей: «Вдруг вдаль перекликнулся слабо нежный колокольный хор. Точно воздушная хрустальная колокольня высоко-высоко поплыла в полуденном зное под небесами; точно ветер разрывался, переливаясь в звуки, или зазвенели бежавшие ровно однозвучные стеклянные облака. Звон перешел в ясный, мелодически чистый свист; тотчас в ответ ему зазвучали невидимыми кликами серебряные трубы. ... Многозвучный трубный хор, стихая, замирал в небе; последние клики торжественно и нежно вздыхали струнами оборванных арф» (109 – 110); «Тишина благоухала. Нежно пересвистывались птицы в роще, да фыркали кони, отдыхая. Ветер ласково погладил Сергея по лицу свежей своей рукой, растрепал ему любовно волосы; точно душа покойной матери прильнула на миг, трепеща белыми крылами, к его умилившейся

душе. А тут в памяти так ясно-ясно нарисовались вдруг бесконечные парижские бульвары, омнибусы, гигантские стекла кофеен, многоэтажные дома и дворцы, громоздящиеся в чудно-пестром беспорядке, кипящие народом скамьи и коридоры университета и неоглядные улицы, сливающие в один клуб миллионы жизней, с их огнями, слепящими жадные глаза, и говором, оглушающим ненасытное ухо. И все это теперь, как тонкий сухой песок, сыпалось и падало в глубь воспоминаний, обнажая душу: пыль золотую разведали родные ветры, пролетая на лебединых крыльях» (111).

Особо следует заметить, что лиризм повествования чаще всего связан с образом Сергея Боброва, и лебединые клики во всей их красоте врываются именно в его поэтический мир: «С хор весело полился воздушно-легкий весенний дождь; «Песнь цветов» зазвучала и пела нежно; серебристые капли, пдая, нарастали в звучно-струистом плеске. Вот, заливаясь, перешли они в звенящие томно ручьи, ручьи и фонтаны; искристые, заплясали они высоко-высоко, к самому небу взвевая алмазную радужную пыль. Реками необозримыми шепотно пронеслись и с гор ревущими водопадами ниспали. Вот зарокотали по утесам седые валы, выносясь безмятежно в лазурное тихое; зароптали орлы на кручах; на орлиных крыльях полетел Сергей сквозь мгlistую даль. И вот он уже в царстве цветом, среди безмятежной долины. Цветы поют ему, кружась, и тысячи тысяч тонких голосов, составя тихие хоры, ведут его невидимо за собою; он весь в цветах. Цветы окружили Сергея, клонят к нему утомленно венчанные головы и поют, поют. Тише, тише... И вдруг в ответ замершему хору далеко и близко прозвучал другой, знакомый и чуждый хор. Ласковый, матово-чистый свист, похожий на звон далеких, серебром оперенных летящих колоколов, смешался со звуками, подобным скрипкам и трубам, но тише их и звучней. Пение летело с небес; дивная гармония вторила умолкнувшим земным звукам» (119). Чуткая душа Сергея способна откликнуться и увидеть красоту музыки, созданной человеком, и красоту музыки, созданной природой. В повести автор проводит мысль о возможности гармоничного сосуществования творений человека и природы как целого творения Божьего мира: «Целые дни любовался Сергей плавным полетом и шумными играми величаво-прекрасных птиц и заслушивался их нежного пения над водною далью» (132); «как в сказочное некое царство, в особый чудесный мир переселился Сергей Бобров» (133).

Образ лебедя проходит через всю повесть, становясь символичным. «Лебязье» – название усадьбы; на территории усадьбы находятся большие лебединые стаи, постоянно слышатся клики лебедей, то торжественные и нежные, то печальные и меланхоличные. Лебедь – символ чистоты, красоты, но также и символ смерти. Характерно, что после смерти последнего, кто был непосредственно связан с князем, – Скворцалупова – лебеди решили покинуть родные озера: «Вдруг небо потемнело. Свист, пронзительный и однообразный, рассыпался над головами путников резким шипящим хохотом. В темно-синей глубине небес лебеди мчались несметным полчищем подобно грозовой туче. В молчаливом бешеном полете их чуялась вещая решимость, будто навеки покидали лебеди родные озера» (147). И в описании этого полета нет привычного для повести изображения красоты и мелодичности царственных птиц, как будто все страшное и темное уносят с собой эти птицы, к которым имел такое пристрастие князь, недаром в момент приступа княгиня шептала в беспмятстве: «Лебеди, лебеди...» (141).

Повесть «Лебединые клики» – мистическая, полна загадок и тайн. Для Б.А.Садовского в повести важен момент родовой зависимости в дворянской судьбе жизни живых от влияния мертвых, подчинение воли потомков дыханию смерти, отражение на их судьбе страшного проклятия, полученного когда-то предками: узы проклятия, от которого не мог избавиться при жизни князь Курятев, после его смерти охватывают

княгиню Зенеиду, которая также не может преодолеть их: «Быть может, я виновница была его грешной смерти... Не мне судить. Но Бог еще накажет меня, я знаю». Таким своеобразным наказанием для нее и стал отказ Сергея Боброва: как некогда княгиня не смогла справиться с ужасом перед князем, хотя и «любила его, так ей тогда казалось», так и Сергей не вынес признания Зенеиды: «слова морозным холодом убили начавший распускаться в сердце юноши цветок счастливых предчувствий» (138).

Повесть дает подробное описание мира дворянской усадьбы «Лебязье»: читатель гуляет по паркам и оранжереям усадьбы, вместе с героями сидит в театре и смотрит «представление Омнима», «представление Каламбура», пастушью пастораль; знакомится с дворовыми, с хозяйством; повествователь подробно описывает распорядок дня княгини в разное время года, прием гостей и др., но самое главное – он повествует о легендах, которые создаются и существуют в этом мире, переходя из поколения в поколение, он наполняет его мистикой, изображая как замкнутое времяпространство, в котором есть дворец с прекрасной невестой-вдовой, с духами, со своими тайнами, с переходами из мира живых в мир мертвых.

Б.А.Садовской может быть признан одним из одаренных писателей XX века, с тонким чувством стиля, с самобытным языком. Те читатели, которые открыли его для себя, не останутся равнодушными перед талантом писателя.

POETICS OF THE STORY «THE SWAN SHOUTS» BY B.A.SADOVSKY

© 2012 N.N.Kislova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

One of the early stories written by Sadovsky is analyzed in the article. Sadovsky's creative heritage should be referred to as still undiscovered or forgotten literary phenomena. The world of XIX century noble estate is described through the categories of time and space. In the article the characteristics of characters and symbols are given, lyricism of the story is revealed; the linguistic skill of the writer is shown.

Keywords: history of Russian literature of the XX century, B.A.Sadovsky, story, the memory of the genre, the world of noble estate, dual world, lyricism.

^o Natalya Nikolaevna Kislova, PhD in Philological Sciences, associate professor of Russian and foreign literature and technique of teaching of literature, the pro-vice chancellor on educational and methodology. E-mail: kislova_nn@mail.ru